КРИТИКА С.Н. БУЛГАКОВЫМ ФИЛОСОФСКИХ СПОСОБОВ ОСМЫСЛЕНИЯ АБСОЛЮТА И СТАНОВЛЕНИЕ ЕГО БОГОСЛОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

S.N. BULGAKOV'S CRITICISM OF PHILOSOPHICAL WAYS OF UNDERSTANDING THE ABSOLUTE AND THE FORMATION OF HIS THEOLOGICAL CONCEPT

УДК 13

Автономов Валерий Алексеевич, аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, РФ, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, 28

Valerij Avtonomov, graduate student, Bunin Yelets State University, 399770, Lipetsk Region, Yelets, Kommunarov Street, 28, E-mail: shortv@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется концепция соотношения богословия и философии С.Н. Булгакова. Основное внимание уделяется философско-идеалистическому этапу творчества мыслителя, который ознаменовал переход от философского к религиозному мировоззрению. Обсуждение рассматриваемого вопроса является принципиально важным для понимания духовной эволюции С.Н. Булгакова.

Summary

The article analyzes the concept of correlation between theology and philosophy of S.N. Bulgakov. The main attention is paid to the philosophical-idealistic stage of the thinker's creativity, which marked the transition from the philosophical to the religious worldview. Discussion of the issue under

consideration is fundamentally important for understanding the spiritual evolution of S.N. Bulgakov.

Ключевые слова: богословие, философия, С.Н. Булгаков, мировоззрение.

Key words: theology, philosophy, S.N. Bulgakov, worldview.

С.Н. Булгаков, исследуя возможности различных философских учений прошлого и настоящего, постепенно все больше тяготел к своим истокам — религии и Церкви. Неудивительно поэтому, что он принял деятельное участие в работе Всероссийского Поместного Собора Православной церкви (1917–1918 гг.). С.Н. Булгаков стал автором ряда документов этого собора. В 1918 он принял сан священника и стал членом Высшего Церковного Совета. В конце 1922 г. С.Н. Булгаков вместе с рядом других деятелей российской интеллигенции вынужден был покинуть Родину. Сначала он жил некоторое время в Константинополе, затем в Праге, где работал профессором церковного права на юридическом факультете университета. В 1925 г. он переехал в Париж, где также стал профессором догматики и деканом Православного Богословского института.

Идейная основа духовной эволюции С.Н. Булгакова, которая нашла своё драматическое отражение и в его жизни, легко прочитывается уже в «Свете невечернем», особенно, в обширном введении, в котором намечаются все его основные темы, и раскрывается специфика авторского подхода к форме философствования. Следует указать уже на посвящение к книге, в котором он мысленно возвращается на свою историческую родину, отмечая «чувство духовной верности», связывающее его, поверх всех жизненных недоразумений, с его родителями, а через них – с родным краем и веками хранившем его Православием. (К этому же умонастроению он возвращается в своём замечательном наброске «Моя Родина», написанном в конце 30-х гг., который начинается словами: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение» [1. С. 273].) С.Н. Булгаков постоянно

подчёркивает связь веры не со знанием, а с самой жизнью: «Вера рождается не от формул катехизиса, но от встречи с Богом в религиозном опыте, на жизненном пути» [2. С. 29].

Важнейшим пунктом, который позволяет именно «Свет невечерний» расценивать как поворотный момент в духовной эволюции мыслителя, хотя в этой книге С.Н. Булгаков ещё и не переходит границ последовательно философского анализа религиозного сознания, не ступает ещё на почву богословия, независимого от рефлексии, является достигнутое им понимание необходимости строгого разграничения имманентного и трансцендентного в христианском мировоззрении. Не случайно главным объектом критики для С.Н. Булгакова и в этом труде, и, в ещё большей степени, в «Трагедии философии» становится «имманентизм», под который он подводит (с разной степенью обоснованности) и новоевропейских философов-классиков, и тех мыслителей, которые были «властителями дум» в его время. Под «имманентным» и «трансцендентным» понимаются доступные и недоступные объекты религиозного опыта человека; монотеистическое мировоззрение вообще предполагает, что представление человека о мире включает в себя в качестве «высшей точки» и завершения Бога – творца мира и человека. Религиозное сознание приобретает вследствие этого связывающее человека с Богом «вертикальное измерение».

Непосредственное обращение к Богу в молитве, о чём С.Н. Булгаков очень часто говорит в «Свете невечернем», участие в богослужении, чтение священных книг и т.д. способны приближать человека к Богу. Однако религиозная догматика устанавливает на этом пути определённые границы, которые человеку (во всяком случае, в земной жизни) не суждено преодолеть. Тем самым в религиозной картине мира различаются имманентное и трансцендентное как различные по своему онтологическому статусу предметы религиозного опыта. «Пара соотносительных понятий «трансцендентное – имманентное», - указывает С.Н. Булгаков, - играет существеннейшую роль в определении религии… Можно всю историю

философской мысли изложить как историю этих понятий, или … как историю проблемы трансцендентного» [Там же. С. 22]. Несколько ниже С.Н. Булгаков делает пояснение, которое как раз и раскрывает принципиальное отличие богословия от философии и тем самым описывает существо поворота в собственном духовном развитии, которое приходится на время завершения работы над «Светом невечерним»: «Религия, в отличие от философии, не кончается трансцендентным, но им начинается … Трансцендентное в самом общем смысле, то есть превышающее всякую меру человеческого опыта, сознания и бытия, вообще «этого мира», дано в первичном религиозном переживании, поскольку в нём содержится чувство Бога …» [Там же. С. 24, прим.].

Парадокс трансцендентного, пугающий и завораживающий человека, заключается в том, что оно «не принадлежит имманентному – «миру» и «я», хотя его касается. К нему нет пути методического восхождения … оно вне собственной досягаемости для человека, к нему можно стремиться и рваться, но нельзя планомерно, методически приходить» [Там же. С. 24]. Однако специфика религиозного сознания и состоит как раз в том, что оно требует противоречий и живёт ими: «Бог, как Трансцендентное, бесконечно, абсолютно далёк и чужд миру, к нему нет и не может быть никаких закономерных, методических путей, но именно поэтому Он в снисхождении Своём становится бесконечно близок нам, есть самое близкое, самое интимное, самое внутреннее в нас, находится ближе к нам, чем мы сами» [Там же. С. 24-25]. С.Н. Булгаков говорит о «неразрывном двуединстве трансцендентного и имманентного» как «основной антиномии, которая лежит вообще в основе религиозного самосознания» [3. С. 273].

Трансцендентность Бога в христианстве, в конечном счёте, оказывается обусловленной различием в бытии Творца и сотворённого им мира. Трансцендентность Бога отражает глубину его бытия, которое не может быть исчерпано конечной рефлексией. Духовная природа Бога проста – как она могла бы быть постигнута конечной рефлексией? Над этим вопросом С.Н.

Булгаков будет биться в «Трагедии философии» и, отчаявшись, объявит философию неспособной постигать Абсолют. Когда все человеческие слова о Боге, этом таинственном центре Вселенной, сказаны, тайна его по-прежнему остаётся нетронутой, убеждён С.Н. Булгаков.

Однако трансцендентность Бога в Православии, как и во всех ревеляционистских религиях, не является абсолютной. Это проявляется уже в истолковании проблемы Троицы, которая в Отце есть абсолютное единство, а в Сыне и Духе открывает себя человеку. Бог открывает себя человеку и в Священном Писании, и в самом образе Иисуса Христа, который вместе с человеческой вместил в себя божественную природу. Благодаря единению в Иисусе Христе божественной и человеческой природ человек оказывается способным достигать нравственного совершенства.

Так в религиозной картине мира – в отличие от рационалистической, философской, - преодолевается исходная ограниченность человека как тварного существа – существа, последним субстратом которого является «ничто». Иисус Христос – «неслиянно» соединённая с человечеством божественность, и он непосредственно связывает людей с Богом. Но человек, сотворённый «по образу и подобию», обладает и собственным существенным сходством с Богом. Впрочем, в суждениях по этому вопросу среди христианских авторов никогда не было единства, и С.Н. Булгаков, следуя, возможно, примеру Оригена, утверждает, что изначально человек сходен с Богом лишь в «образе», «подобным» же Богу он может стать лишь благодаря собственным усилиям (откуда совсем недалеко до ереси пелагианства). Кроме того, посредниками между Богом и людьми выступают ангелы и другие чины небесной иерархии, а книги Священного Писания принимаются как «боговдохновенные», то есть созданные по внушению Святого Духа. Всё это уравновешивает трансцендентность Бога в христианском сознании, наполняя сферу религиозного опыта доступными человеку образами Бога и понятиями, проецируемыми на божественное бытие. Как бы подводя итог обсуждению этой проблемы в истории христианства, С.Н. Булгаков пишет:

«Религия есть переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако при сохранении своей трансцендентности, переживание трансцендентно-имманентного. … В категориях религии трансцендентно-имманентное есть основное формальное понятие, в котором осознаётся связь с Божеством» [2. С. 12]. В «касании трансцендентного» заключается сама суть религии: «В религиозном переживании дано – и в этом есть самое его существо – непосредственное касание мирам иным, ощущение высшей, божественной реальности, дано чувство Бога» [2. С. 19].

При этом граница, разделяющая имманентное и трансцендентное в религиозном опыте, оказывается подвижной и зависит часто не только от фундаментальных положений вероучения, но и от тех изменений, которые в него вносит вся «культурная атмосфера» эпохи. К примеру, стремление к целостному постижению Бога способно в некоторые эпохи порождать убеждение в возможности и непосредственного его созерцания («боговидения»), например, в истории Православия, в образе нетварного Света. В «Свете невечернем» читаем: «Религия должна иметь … око умного в**и**дения, проникающего к действительности высшей, куда не досягает ни умственное, ни физическое око. Религиозное переживание удостоверяет человека в реальности иного, божественного мира не тем, что доказывает его существование …, но тем, что приводит его в живую, непосредственную связь с религиозной действительностью, ему её показывает» [2. С. 12].

В связи с утверждаемой в христианстве трансцендентностью Бога в богословии возникает и представление о двух путях его познания – катафатическом и апофатическом. В первом случае непосредственным предметом познания оказываются творения, и определения, приложимые к ним и заимствованные из обычного опыта человека, переносятся и на самого Бога, получая при этом превосходную степень, например, «всемогущество», «всезнание» и т.д. Во втором случае взгляд, устремлённый на Бога, отрицает у него определения, известные человеку благодаря познанию творений, например, «бесконечность», «непостижимость» и т.д. В работе

«Отрицательное богословие», над которой С.Н. Булгаков работает с 1914 г., эта проблема исследуется специально. Апофатические определения указывают на то, чем Бог не является, божественная природа при этом как бы очерчивается извне и отделяется от всего тварного, а постижение Бога может приобретать мистические черты. Апофатическое богопознание означает признание невозможности познания божества естественными средствами логики и обычного человеческого разума, достаточными для постижения творения. Трансцендентное бытие Бога оказывается предметом молитвы, созерцательного молчания, мистического углубления верующего в неизреченную природу божества («умного делания»). Апофатизм не запрещает, однако, познания Бога, он указывает лишь на недостаточность понятий, заимствованных из опыта, и побуждает человека перешагивать через эти понятия, пытаясь сверхлогическими средствами углубиться в постижение природы божества.

В подчёркивании этой мысли и заключается основной пафос труда «Свет невечерний», ставшего, повторим, поворотным пунктом в духовной эволюции русского мыслителя. С.Н. Булгаков задаётся вопросом о том, как возможна религия, и направляет свою критику против тех, кто, подобно Канту, ставил религию в зависимость от морали, или, подобно Гегелю, видел в ней «лишь ступень, и не самую высшую, в самосознании духа», которая затем «преодолевается в философии» [2. С. 11], и т.п. Но, несмотря на то, что большую часть текста произведения занимает критика тех или иных направлений западноевропейской мысли или даже отдельных философов, С.Н. Булгаков отдаёт себе отчёт в том, что в действительности он восстаёт против господствующего во всей новоевропейской философии умонастроения; поначалу он, именуя его «имманентизмом», надеется найти в границах самой философии союзников, но когда приходит к убеждению, что вся философия Нового времени стремится разделить Бога и мир, сделать познание мира самодостаточной темой науки и философии (деизм), он

отказывается уже и от философии как таковой; тогда на смену попыткам «философского» постижения Абсолюта приходит богословие.

Литература

1. Булгаков, С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. – М.: АСТ «Фолио», 2001. – 472 с.
2. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
3. Лосский, Н.О. История русской философии. – М.: Высшая школа, 1991. – 539 с.
4. С.Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. Т. 1. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. – 996 с.
5. Хоружий, С.С. Вехи философского творчества отца Сергия Булгакова // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Наука, 1993. – С. 3-14.

Literature

1. Bulgakov, S.N. Orthodoxy: Essays on the teachings of the Orthodox Church. - M .: AST "Folio", 2001. - 472 p.
2. Bulgakov, S.N. Non-Evening Light: Contemplation and Contemplation. - M .: Republic, 1994 .-- 415 p.
3. Lossky, N.O. History of Russian Philosophy. - M .: Higher school, 1991 .-- 539 p.
4. S.N. Bulgakov: pro et contra. The personality and work of Bulgakov in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology. T. 1. - SPb .: Publishing house of RHGI, 2003 .-- 996 p.
5. Horuzhy, S.S. Milestones of the philosophical creativity of Father Sergius Bulgakov // Bulgakov S.N. Works in 2 volumes. T. 1. - M .: Nauka, 1993. - S. 3-14.